

1

— ВСЕ! Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ! — простонала Лúна, без сил растянувшись на земле.

— Нет, можешь! Вставай! Все у тебя получится! Ты просто лентяйка! — засмеялась Сентария.

— Лентяйка? Да я еле дышу! Я очень стараюсь, не видишь?

— Значит, недостаточно стараешься, раз ничего не получается. Вставай! — Сентария потянула подружку за ногу, но та упорно продолжала изображать полумертвую гусеницу. — Я не поленюсь. Сбегаю за водой и устрою тебе ледяной душ.

— Мне бы это сейчас не помешало, — проворчала Луна и с трудом села. — Может, завтра продолжим?

— Нет, сегодня! — Девочка была неумолима.

— В тебе пропал настоящий тиран, точнее тиранша. — Луна, кряхтя, как древняя старушка, начала подниматься с земли.

— Будешь жаловаться, позову господина Сардера.

— Нет! Только не его! Своим занудством он доведет кого угодно!

Сказав это, Луна прикрыла рот ладонью и с испугом огляделась по сторонам, не слышал ли кто. Девочки дружно рассмеялись и продолжили заниматься.

Вот уже несколько месяцев Луна осваивала тонкости земного чародейства. Учебка давалась ей тяжело, так как девочка никак не могла научиться отделять один дар от другого. Например, когда она пыталась создать новое растение, на ее ладони начинал весело плясать воздушный вихрь. А однажды она вообще чуть не подожгла Сентарии волосы, когда та показывала ей, как можно изменить цвет персика с нежно-розового на сиреневый. Поэтому к вечеру Луна ужасно уставала. Но неугомонную (Луна бы добавила — бессердечную и жестокую) Сентарию не трогали жалобы подруги. Она вновь и вновь заставляла ее отрабатывать какое-нибудь заклинание. Но и Луне надо отдать должное. Она не теряла ни минуты и достигла

8

уже больших успехов. Даже Сардер, чрезвычайно скупой на добрые слова, уже неоднократно хвалил девочку. Еще немного, и она овладеет основами земной магии.

Сегодня Луна пыталась призвать из земли корни деревьев. Этому заклинанию она очень хотела научиться. Ведь именно с его помощью Жадеида во время последней битвы умудрилась обезоружить самих правителей, и, если бы не вмешательство Луны, неизвестно, чем бы все кончилось. Но это было самое сложное заклинание в курсе земной магии, и оно никак не давалось девочке. Тут требовалось бесконечное терпение и умение слушать землю, понимать ее душу.

Лежа на траве, Луна уже в который раз пыталась силой мысли призвать корни, но пока безуспешно.

Первая попытка закончилась тем, что вместо корней она вызвала небольшое землетрясение, которое, к радости Сентарии, произошло только под Луной. Некоторое время девочка подлетала над травой, словно прыгая на батуте. Только вот приземления выходили отнюдь не такими мягкими. Сентария, увидев, что подруге не до смеха, пришла на помощь, остановив свистопляску.

Второй раз под Луной образовалась глубокая яма, куда девочка тут же провалилась, а потом целый час выбиралась. Яма получилась что надо. Глубиной около трех метров, с абсолютно ровными и гладкими

стенами. Цепляясь за веревку, которую скинула Сентария, Луна с трудом вылезла оттуда. Звать кого-то на помощь девочка категорически запретила. Она очень стеснялась своих неудач.

Сейчас Сентария убеждала ее сделать попытку номер три. Вся перемазанная в земле, с порванным рукавом, Луна лежала совсем без сил.

— Давай, это же просто! Нужно всего лишь сосредоточиться. Когда кладешь ладонь на землю, ты должна почувствовать корни. Они ведь живые. Их пульсацию хорошо слышно. Как только ты ощутишь исходящее от них тепло, тебе останется просто позвать их. Ведь это же первооснова, понимаешь, начало всех начал. В земле сосредоточена вся жизнь. Там спрятана такая энергия, что ее невозможно не заметить.

— Если бы это было просто, у меня бы уже давно получилось.

Луна в сотый раз приложила ладонь к земле. Земля и земля. Теплая и приятная на ощупь. С чуть пряным запахом, который не спутаешь ни с каким другим. И все. Больше ничего.

— Ну не чувствую я ничего! — в сердцах воскликнула она. — Никакой пульсации! Я бездарность! Только и делаю, что ошибаюсь. Я даже не могу призвать какие-то извивающиеся корешки. Простые корни и то умнее меня!

С этими словами девочка попыталась встать, но тут же упала, точно кто-то сильно дернул ее

за ногу. Приподнявшись, она увидела, что ее щиколотку плотно обвивает узловатый корень.

— Это еще что такое? — растерялась Луна и тут же завопила во все горло, так как корень поволок ее по земле с приличной скоростью.

Поднимая пыль столбом, девочка отчаянно пыталась ухватиться за что-нибудь, чтобы прекратить эту бешеную гонку. Ветки и камешки больно царапали кожу. Наконец Луна остановилась у подножия самого старого дерева, какое ей доводилось видеть. Дерево, заскрипев, веткой подцепило ее за воротник и подняло вверх.

Луна с изумлением уставилась в... огромные глаза дерева.

— Кто посмел назвать нас извивающимися корешками? — грозным басом спросило оно, нахмурив мшистые брови.

— Я вовсе не хотела вас обидеть, — пролепетала Луна. — Это я в сердцах. От злости на саму себя.

— Как бы ты ни злилась, нас нельзя называть корешками! Я, к твоему сведению, прародитель всего живого! Я самый древний, самый мудрый и почитаемый житель Драгомира, а не какая-нибудь там извивающаяся змея!

— Я поняла. Извините, пожалуйста. Мне правда очень стыдно.

— На первый раз простим! Но только на первый! — внушительно сказала дерево, все еще хмурясь.

Оно уже собиралось опустить девочку на землю, но тут подоспел запыхавшийся Фиччик и громко заверещал:

— А ну, глупая деревяшка! Отпусти ее немедленно! Пока я тебе что-нибудь не сломал.

— Фиччик, нет, — простонала девочка, закрывая лицо руками.

— Это еще что такое? — изумилось дерево, брезгливо схватив за шкуру лохматого Фиччика. — Что за приткий грызун? Откуда он взялся?

Фиччик всюду молотил кулачками воздух, крутился вокруг своей оси и пытался достать ветку, которая крепко его держала.

— Это я грызун? Я тебе покажу грызуна! Ты у меня попляшешь! Сейчас-сейчас, вот только доберусь до тебя!

— Ха. Ха. Ха, — раскатисто рассмеялось дерево, произнося каждое «ха» отдельно. — Наверное, мне стоит испугаться.

— Простите его, уважаемое дерево, это мой хранитель. Он еще маленький и неразумный.

— Да, да! Простите их, пожалуйста, глубокоуважаемый Древлий*. Они новенькие в нашем мире и не знают, с кем разговаривают, — поспешно проговорила Сентария, с трудом переводя дух.

* Древлий (устар.) — очень древний.

— Так уж и быть. На первый раз прощу. И девочку, и грызуна. — Древлий аккуратно опустил их на землю.

— Я не грызун, — обиженно проворчал Фиччик, уstraиваясь на плече Луны.

— Но и я не тупая деревяшка, — возразил Древлий.

— Все! Все! — примирительно подняла руки Сентария. — Будем считать, что конфликт исчерпан.

Луна во все глаза разглядывала невероятное дерево, чья крона доставала до самых облаков. Чтобы его обхватить, понадобился бы не один человек. Дерево скрипело и вздыхало при каждом порыве ветра. Оно было таким старым и морщинистым, что, казалось, вобрало в себя мудрость всех людей, живших когда-то в этом мире. Умные глаза с нависшими веками и лохматыми бровями внимательно следили за происходящим вокруг. В ветвях качалось множество гнезд, которые построили самые разные птицы. Древлий был рад им всем. Своим щебетом они скрашивали его старость и наполняли весельем каждый день.

— У тебя что-то не получается, девочка? — спросил Древлий.

— Ну, в общем, да, — смущенно проговорила Луна. — Я уже который месяц учусь основам земного чародейства, но так и не освоила главное заклинание.

Древлий поманил ее к себе и положил огромную ветку, служащую ему рукой, Луне на голову.

Некоторое время они молчали. Древлий, нахмурив свой и без того морщинистый лоб, что-то напряженно слушал, прикрыв глаза.

— В тебе огромная сила, девочка. Правда, еще необузданная, дикая. Но ее много, и она очень мощная. Тебе нужно учиться ею управлять.

«Это я и так знаю», — хотела буркнуть Луна, но вовремя сдержалась, вспомнив, что она вообще-то воспитанная девочка.

— А как мне подчинить ее себе? — вслух спросила она.

— Начни с себя. Слишком ты вспыльчива и эмоциональна. Поэтому сила внутри тебя бурлит и не слушается, — нравоучительным тоном начал Древлий. — Издревле все знаменитые чародеи... и мудрецы... и... так. О чем это я?

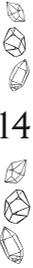
— Что я слишком вспыльчива, — нетерпеливо напомнила Луна.

— Ах да! Так вот. Все знаменитые чародеи и волшебники были сдержанными и терпеливыми. Поэтому сила в них текла медленно и послушно. Для этого нужно всего лишь усмирить свой нрав и услышать себя. Только тогда ты сможешь почувствовать землю и другие стихии. Но главное не это. Я увидел... Это так интересно и необычно... Получается, что ты... — Древлий вновь замолчал на полуслове.

— Что? — переспросила Луна.

Тот молчал и никак не реагировал.

— Так что вы увидели? — уже громче повторила девочка.

— погоди. — Сентария прислушалась и с сожалением развела руками. — Кажется, уснул.

И точно — по поляне разнесся тихий храп.

— А надолго?

— Как мне подсказывают мои ученые мозги, — вмешался Серафим, — дерево слишком старое и поэтому может проснуться прямо сейчас, а может впасть в дремотное состояние на целые сутки.

— И как же мне узнать, что он хотел сказать? И вообще, какой толк обладать всеми этими дарами, если я не умею ими управлять? — Луна пригорюнилась и, понутив голову, медленно побрела к главному дворцу Смарагдиуса. Сентария догнала ее и обняла за плечи.

— Не расстраивайся, завтра мы к нему сбегает и все узнаем.

— Опять завтра. Каждый день я слышу одно и то же. Сегодня не получилось, получится завтра, завтра не получилось, получится послезавтра. Время идет, а я все так и топчусь на месте. Я думала, что за столько месяцев научусь управлять всеми дарами, а в итоге застряла в Смарагдиусе и не могу ничего толком освоить. Наверное, со мной что-то не так.

— Как подсказывает мне мой интеллект, — опять завел свою песню Серафим, — может быть, ты мало стараешься?

Фиччик показал ему кулак.

— ...мало стараешься поверить в себя, — выкрутился Серафим, выпучив свои и без того выпуклые глаза.

Луна и Сентария с удивлением уставились на него. А Серафима вдруг осенило, и мысли его повернули в несколько другое русло.

— Может, ты слишком сильно стараешься? А что, если, наоборот, расслабиться и позволить силе самой показать, на что она, то есть ты, способна?

— В этом что-то есть, — задумчиво протянула Сентария. — Может, это и имел в виду Древлий, когда говорил, что тебе нужно обуздать характер? Твой случай ведь совершенно особенный. Нас с рождения готовят к обладанию даром. И дар у нас один, у некоторых два. А на тебя свалились сразу все пять. Ну или четыре, про пятый пока непонятно. И все только сейчас. Есть от чего запаниковать. Вот в тебе все бурлит и не дает сосредоточиться. А давай попробуем? Чем мы рискуем, в конце концов? Ничем.

— А давай! — Луна невольно заразилась энтузиазмом подруги и ее хранителя.

Девочки поспешно вернулись в сад, и Луна вновь растянулась на траве.

Приложив ухо и ладони к земле, она постаралась расслабиться и вообще ни о чем не думать. Сначала до ее слуха донеслись трели птиц, шелест листьев и травы, далекий скрип калитки. Затем она

расслышала чей-то негромкий разговор у входа в сад и оживленные возгласы женщин, которые занимались заготовкой лекарственных трав. Они обсуждали состав будущего лечебного сбора. Недалеко журчал ручей, переговариваясь с небольшой речкой, протекающей вдоль сада. Луна полностью расслабилась и впала в дремотное состояние. Ей стало уютно, как дома в собственной кровати.

И вдруг Луна почувствовала: что-то изменилось. Она прислушалась к своим ощущениям. Да, стало тепло.

А потом девочка ощутила под собой слабую пульсацию. Она исходила как бы изнутри земли, будто внизу, под травой и дерном, билось громадное горячее сердце. Через ладони в ее тело начало проникать живительное тепло. Луна почувствовала полное слияние с землей. Наконец-то ощутила ее. Кто-то думает, что земля — всего лишь скопление песка, камней, глины, перегнивших корней и листьев, но на самом деле это не так. Земля — огромный живой дышащий организм.

Луна ощутила силу корней, с жадностью всасывающих живительную влагу, перешептывание зверьков, роющих подземные ходы, даже кряхтение упитанных дождевых червей, с трудом протискивающихся в крохотные поры почвы.

— Я все слышу! — с неопишуемым восторгом прошептала девочка.

— Слышишь? — обрадовалась Сентария. —
Наконец-то!

— Но когда я заговорила, это чувство
пропало.

— Ничего страшного! Главное, ты поня-
ла и прочувствовала силу земли! Немного тре-
нировок — и все обязательно получится. Земля
тебе поможет!

Сентария крепко обняла подругу.

— Уже темнеет, думаю, на сегодня хватит. Тебе
еще добираться до дома. Теперь ты знаешь, что нуж-
но делать, значит, завтра можно будет наконец по-
пробовать вожделенные чары.

— Опять завтра, — скривилась Луна.

— Да, но теперь это радостное завтра. То завтра,
которого ждешь.

Попрощавшись, Луна пошла на конюшню за сво-
ей лошастью. Да-да, у нее появилась собственная ло-
шадь. К глубокому разочарованию Фиччика, который
перестал чувствовать себя единственным и непо-
вторимым.

Но лошадь была необходима Луне, чтобы доби-
раться до разбросанных по всему Драгомиру мест
учебы.

Здесь не было единой школы, ведь все дети обла-
дали разными дарами. В каждом петрамиуме суще-
ствовала собственная школа чародейства: водная,
воздушная, огненная и земная. А еще школа цели-
тельства.

У каждого учебного заведения имелся свой символ и особая форма. Хотя по внешности и цвету волос учеников и без всякой формы было понятно, где они учатся.

Ученики земной школы выбрали форму насыщенно-зеленых оттенков, что в сочетании с цветом волос придавало им сходство с молодой листвой. На отвороте плащей у них красовалась брошь с изумрудом — символом Смарагдиуса.

Символом водной школы были небольшие металлические клипсы, которые крепились на воротничок бирюзовой рубашки, выглядывающей из-под синего плаща. Эти клипсы украшались крупными сапфирами.

Воздушные ученики носили браслеты, унизанные кристаллами горного хрусталя, в которых красиво преломлялись солнечные лучи. Малыши обожали пускать ими солнечных зайчиков на переменах. Плащи у них были цвета летнего неба, где нежно-голубой соперничал с белым.

Каждый ученик огненной школы носил на галстукке небольшой зажим, украшенный гранатом, который переливался всеми оттенками пурпурного. Цвет плащей был сдержанным, темно-бордовым. Но и он заставлял их огненные шевелюры пылать еще ярче.

Те, у кого к четырнадцати годам, помимо основного дара, открывался еще и дар целительства, продолжали обучение на Манибионе. К своему символу

они добавляли нашивку в виде золотых ладоней и меняли плащ на белоснежный. Кроме того, в этой школе обучались прямые наследники целителей. В последние четырнадцать лет из-за проклятия Жадеиды школа стояла полупустой. Юных манибианцев, родившихся до проклятия, обучали лишь теоретическим знаниям, так как ни у одного из них не открылся дар. Нетрудно представить, с каким нетерпением здесь ждали Луну. Преподаватели соскучились по настоящей магии.

В Драгомире дети начинали учиться с шести лет. Кроме волшебства, им преподавали и обычные предметы, например математику и письмо. А еще в каждой школе были лаборатории для проведения опытов. Поэтому все школьные здания имели толстые стены и укрепленные крыши. Частенько в лабораториях раздавался громкий взрыв, от которого дрожали стекла соседних домов. Взрослые на это лишь снисходительно улыбались, вспоминая свои школьные годы.

Заканчивалась учеба в шестнадцать лет. Так что Луна была уже практически старшеклассницей. Но знаний в области чародейства имела не больше шестилетнего ребенка.

Девочка сильно расстроилась, представив себя, такую дылду, за одной партой с малышами. Вслух она ничего не сказала, понимая, что без обучения ей никак, но в лице поменялась. Родители, заметив это,

посовещались с другими правителями и решили взять учебу девочки на себя. Сами они могли научиться ее управлять воздухом и водой. В основах терралогии* согласились помочь Сардер с Морионом, предложив подключить Сентарию как одну из лучших учениц Смарагдиуса. С огнем пообещали помочь Гелиодор с Аметрином, который тоже был отличником. Так что Луна находилась в надежных руках. Оставалось непонятно, как девочке добраться до петрамиумов. Вот тогда-то и придумали обучить ее верховой езде.

Каждый день, едва занималась заря, Луна стаскивала брыкающегося Фиччика с его любимой подушки и бежала на конюшню. Ей так нравилось общение с лошадьми, что она была готова дневать и ночевать рядом с ними. Фиччик на время занятий перебирался в сумку, притороченную к седлу, где досматривал сны. Девочке выделили самую послушную лошадь, на которой она осваивала правила посадки, отрабатывала команды и еще кучу всего. К завтраку занятия заканчивались, и Луна, уже не вприпрыжку, а с трудом переставляя непослушные ноги, ползла к дворцу. Но с каждым днем становилось все легче и легче, и месяц спустя девочка уже достаточно уверенно держалась в седле и даже показала родителям на манеже несколько трюков.

* Терра (лат.) — земля, логос (греч.) — понятие, наука. Дословно — наука о земле.

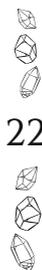
Те восхищенно переглянулись и решили подарить Луне лошадь. У них уже была одна на примете. Сардер как-то рассказывал о чудесной кобыле, совсем не похожей на других лошадей Драгомира. Увидев ее, все единогласно решили, что эта лошадь должна принадлежать именно Луне. Она не относилась ни к одному петрамиуму, потому что имела свою неповторимую окраску. Серебристо-белая с легкими перламутровыми и голубыми переливами, она напоминала лунный камень, украшавший медальон девочки. Грива точь-в-точь соответствовала цвету волос Луны. А глаза были нежного янтарного оттенка. Луна влюбилась в нее с первого взгляда. Правда, лошадь, как и сама Луна, оказалась с норовом. Если что-то решила, то обязательно сделает. Но девочку полюбила с тем же трепетом, что и та ее.

Луна назвала ее Джемма*, что означало драгоценность. Джемме имя понравилось, ведь она тоже считала себя драгоценным сокровищем. Задорно помахивая хвостом, она выразила одобрение радостным ржанием.

Фиччик, увидев лошадь, сразу насупился. И с тех пор хранитель и Джемма откровенно недолюбливали друг друга, соревнуясь за внимание хозяйки. Джемма считала, что Фиччику грех жаловаться. Он-то

* Gemma (лат.) — драгоценность.

проводил с Луной дни и ночи напролет. А Джемма — только утро и вечер. На ночь ее вообще закрывали в конюшне, хотя могли бы тоже предложить подушку в спальне.

«Жалко им, что ли?!» — недовольно думала она.

Когда Луна наконец добралась до конюшни, уже совсем стемнело. Джемма радостно поприветствовала хозяйку и попыталась укунить полусонного Фиччика. Тот немедленно заверещал и начал ругаться, потрясая кулачками. Джемма в ответ скалилась и щелкала громадными зубами. Луна быстро приструнила их, залезла в седло и поехала во дворец целителей.

«Завтра будет новый день», — медленно думала она.

Завтра она наконец-то попробует самые сильные земные чары.

